

27.04.2012

"Камерная музыка — искусство совершенно некоммерческое"

Дмитрий Хворостовский о своей новой программе

Это та же программа, которую вы с Ильей Ивари представляли на Западе в последний сезон?

— Предполагалось, что да, она будет в таком же виде, что последний сезон, точнее полтора сезона — Форте, Танеев, Лист и последний опус Чайковского. Но записывающая компания попросила сделать некоторую коррекцию в связи с тем, что сейчас вышел мой альбом рахманиновских романсов, и заменить Форте на четыре вещи Рахманинова. Я думаю, что это равноценная замена. А все остальное останется.

Меняется ли что-то для вас как для исполнителя в этой музыке со временем?

Записывая диск Рахманинова, я переслушал много своих прежних записей — двадцатилетней, десятилетней давности. Так вот, очень многим вещам я в своем тогдашнем исполнении удивлялся. И понял, что многое я повторить сейчас просто не смогу. Не получится. Нет той чистоты, невинности, удивительной кантилены.

Зато опыт все-таки.

Да, безусловно, просто теперь я эту музыку записал по-другому, иначе. С возрастом и в голосе очень многое меняется, и в мироощущении, и ничего с этим не поделаешь. И в целом я доволен, хотя на ту тогдашнюю чистоту уже не приходится так сильно рассчитывать.

Вы сейчас беретесь за камерные проекты потому, что есть какая-то серьезная интерпретаторская тяга, или просто для баланса, для здоровья голоса?

Ну нет, я думаю, что я один из немногих певцов моего поколения (и даже того поколения, что помладше), у которых на одном уровне находятся карьеры камерного певца и оперного. Это не всегда было так равномерно — так сложилось, что в начале моей карьеры я не мог исполнять большинство тех ролей, которые должен был бы петь, потому что я был слишком молод, голос был еще неоперившийся и так далее. И я очень много пел камерных концертов по всему

миру. А сейчас оперная деятельность занимает у меня процентов 70, может, 80 времени — но это разговор исключительно о времени, не о значимости.

Если говорить о более молодом поколении — есть сейчас среди молодых певцов кто-то, кто много поет на Западе русскую камерную музыку и кого вы особо отличаете?

Не могу назвать практически никого.

Нет ли в этом проблемы — проблемы нашей вокальной школы, к примеру?

Проблема есть, но не только нашей школы, здесь более глобальные сложности. Потому что камерная музыка вообще становится все менее и менее популярной.

Вы находите?

Конечно. Везде. По количеству концертов, по объему внимания, которое ей уделяется, — ее все меньше и меньше. Наверное, вопрос в коммерческой стороне, и это большая беда нашей эпохи, потому что камерная музыка, конечно, искусство совершенно некоммерческое. Если опера страдает и претерпевает изменения в этой ситуации, что уж говорить об этом репертуаре.

Теперь многие говорят, что в опере и вообще вокальной музыке время великих кончилось. Для вас сейчас на кого из прошлого кажется важным ориентироваться?

Ну я могу не проговаривать вслух, что я хочу быть похожим на Шаляпина, но, по моему, не только для меня, но и для других русских певцов — это непререкаемая величина, что бы мы ни говорили. И сколько бы времени ни прошло. Или вот Ирина Константиновна Архипова, которую я знал и которая огромную роль сыграла в моей творческой судьбе, — ведь это же было удивительно, чем старше она становилась, тем лучше она пела, тем интереснее была как камерный музыкант.

А из западных артистов?

В смысле камерного репертуара? Фишер-Дискау, конечно. Еще Николай Гедда, который очень много русской музыки исполнял все-таки именно как западный певец. И некоторые его вещи, которые я слушаю, — меня они потрясают своим идеальным звучанием, идеальной концепцией, что в случае западного певца, трактующего русскую музыку, в принципе большая редкость.

Вы пели на открытии Большого. Каковы ваши впечатления, что вы думаете по поводу той критики, которую это событие вызвало?

Знаете, не надо ворчать. Вот это вот нытье, мне кажется, вообще исконно присуще русской публике и пишущей братии. О другом надо думать, нужно больше позитивности какой-то. Ну сделали реконструкцию, ну потратили огромное, огромное количество денег — теперь надо просто работать, по максимуму использовать то, что есть. Нам дан в руки великолепный театр с потрясающими традициями, который, к сожалению, в последние десятилетия был очень нищим, но нужно сделать так, чтобы это действительно был лучший театр в нашей стране. А если нудеть и раздражаться по этому поводу — никакой пользы не будет. Я бы на вашем месте эту критику не слушал.

Буквально через несколько дней после концерта на "Черешневом лесе" вы будете выступать с Игорем Крутым в Кремлевском дворце. А там новая программа?

Нет, что вы, это то, что мы уже делали. Просто концерт ко Дню пограничника.

А не сложно вот так радикально переключаться в смысле репертуара?

Нет, нет.

Кого вы собираетесь привезти на следующий концерт из цикла Hvorostovsky & Friends?

Будут Барбара Фриттоли, Рамон Варгас, Ильдар Абдразаков и Екатерина Губанова. Это будет немножко праздничный, юбилейный концерт — мне ведь в этом году исполняется 50.

Беседовал Сергей Ходнев

Большой зал консерватории, 18 мая, 19.00 (в рамках фестиваля "Черешневый лес")